

Рецензии

УДК 398(049.32)

DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-1-65-74

Рецензия на книгу:

*King M.W. Ocean of Milk, Ocean of Blood:
A Mongolian Monk in the Ruins of the Qing Empire.
New York: Columbia University Press,
2019. XIV, 281 p.*

Юлия В. Ляхова

*Бернский университет, Берн, Швейцария,
liakhova@gmail.com*

Для цитирования: Ляхова Ю.В. [Рец.]: “King M.W. Ocean of Milk, Ocean of Blood: A Mongolian Monk in the Ruins of the Qing Empire. New York: Columbia University Press, 2019. XIV, 281 p.” // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2021. Т. 4. № 1. С. 65–74. DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-1-65-74

Book review:

*King M.W. Ocean of Milk, Ocean of Blood.
A Mongolian Monk in the Ruins of the Qing Empire.
New York: Columbia University Press,
2019. XIV, 281 p.*

Yuliya V. Liakhova

University of Bern, Bern, Switzerland; liakhova@gmail.com

*For citation: Liakhova, Y.V. (2021), [Book review]: “King M.W. Ocean of Milk, Ocean of Blood. A Mongolian Monk in the Ruins of the Qing Empire. New York: Columbia University Press, 2019. XIV, 281 p.”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 4, no. 1, pp. 65–74, DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-1-65-74*

В 2019 г. в издательстве Columbia University Press вышла книга “Ocean of Milk, Ocean of Blood. A Mongolian Monk in the Ruins of the Qing Empire”. Мэтью Кинг – антрополог, монголист и специалист по буддизму из Калифорнийского университета в Риверсайте, а его книга – переработанная диссертация, которую он защитил в 2014 г. в Университете Торонто. В рассматриваемой работе автор удивительно увлекательно анализирует исторические изыскания и автобиографию монгольского интеллектуала, историка и буддийского монаха Завы Дамдина (1867–1937) и через них описывает и объясняет смутное и сложное время в монгольской истории.

Основные вопросы, рассматриваемые в книге: как писалась история в условиях взаимодействия нескольких информационных потоков и дискурсов – имперского, «западного», националистического и социалистического; как в постимперские времена совершенно различными акторами создавалось монгольское прошлое и как выглядели практики конструирования истории и механизмы создания идентичности в период перехода Монголии от далекой окраины империи к национальному государству и, далее, к социализму. М. Кингу удастся четко и увлекательно ответить на них и заодно подробно описать исторический контекст и детали устройства мира на территории Монголии того времени. Рушится казавшаяся тогда вечной и незыблемой Цинская империя. Малолетний император, которого считали живым богом, воплощением Манчжуши, теряет власть. Маньчжурская династия, правившая территорией современного Китая, Монголии и Тибета, перестает существовать. Монголия, далекая окраина империи, земля «на севере севера мира», обретает независимость, но вскоре становится полем битвы между вытесненным в Сибирь белым генералом и стремящимся вернуть «свою» территорию Китаем. Наконец, монголы обращаются за помощью к советской России. Монголия становится вторым в мире социалистическим государством. Страна, где треть мужского населения работала в монастырях, где верили, что от лица известных монахов и правителей действуют рожденные в нашем мире Будды и Бодхисаттвы, а ламы конкурировали за власть с шаманами, входит в эпоху государственного атеизма, в эпоху индустриализации, урбанизации, экономического роста и страшных политических репрессий.

Зава Дамдин, мальчишка, показывающий чудеса буддизма и чудеса в обучении, мечтающий о великой Лхасе, в 15 лет, в 1882 г., отправляется из далекой Гоби в Ургу – центр религиозной, торговой и политической жизни Монголии. Столица показалась ему тогда суетливым городом с огромными храмами и монастырями, с сотнями красно-желтых монахов и китайскими торговцами, заполняющими узкие улицы прилегающих к монастырю

кварталов. Там он начинает свое успешное обучение в существующем и поныне монастырском колледже Гунгаачойлин и становится наблюдателем всех тех исторических потрясений, которые довелось испытать стране в это беспокойное время [King 2019, pp. 45–46]. После распада империи, в святость и нерушимость которой он искренне верил, монах пытается описать и осмыслить не столько смутное монгольское настоящее, сколько ее прошлое, чтобы уже через него «прояснить», понять и «упорядочить» смешавшиеся теперь понятия и категории – собрать распадающуюся на части реальность.

Автор, в свою очередь, анализируя работы Завы Дамдина, напротив, старается меньше использовать устоявшиеся в нашей картине мира застывшие понятия и категории, такие как Запад и Восток, Азия и буддизм. Рассматривая это смутное время, он, по мере сил, не оперирует такими понятиями, как «национальное государство» и даже «Монголия» или «Тибет». Знания, производившиеся тогда в монастырях, он не противопоставляет современной науке, а монастырские исследования – академическим источникам: «...академия наук находилась в монастыре» [King 2019, pp. 8]. В итоге у него получается не книга об истории Монголии, а увлекательное исследование о том, как устроен процесс взаимодействия обществ, информационных потоков и, самое главное, людей в условиях, когда мир меняется так молниеносно быстро, как не менялся на этой части суши, наверное, никогда раньше.

Автор строит свое исследование на тибетоязычных работах монгольских монахов, главным образом самого Завы Дамдина. Большая часть рассмотренных в книге работ была написана им в промежутке между 1921 и 1937 гг. Книга разделена на две большие части – *enchantment* и *disenchantment*¹ (околдовывание и расколдовывание). Заколдованный мир Цинской империи и личного мистического опыта расколдовывается после ее распада. В мире заколдованном (и заколдовываемом Завой Дамдином в процессе написания истории), «реальные» события намеренно переплетаются с буддийской историографией, человеческое переплетается с просветленным, а бодхисаттвы принимают активное участие в политике и в важнейших исторических событиях. После распада империи реальное время отделяется от времени будд и бодхисаттв, они больше не участвуют в создании истории, мир расколдовывается. Наступает новое время, когда монахи ничем, кроме желтых одежд, не отличаются от обычных людей, когда колесо учения

¹ В данном случае это скорее отсылка не к М. Веберу, а к работе М. де Серто “La Fable Mystique” [Certeau 1982]. Автор книги ссылается на эту работу в своей диссертации на ту же тему [King 2014, p. 58].

поворачивается все с большим усилием, а настоящие святые покидают наш мир.

Традиционная буддийская историография, как утверждает автор, смешивает мирское со сверхъестественным, вводит в наш мир просветленных акторов. В постимперские времена эти связи рушатся. Интересным образом теперь мирское также смешивается со священным, но происходит это новым и, по ощущениям Завы Дамдина, непонятным и категорически неправильным образом².

Почему Зава Дамдин оказался главным героем этой истории? Конечно, не только потому, что он жил и писал в сложные и интересные времена. Зава Дамдин – человек, воспитанный в монашеской среде на традиционных текстах школы Гелуг, он мыслит традиционными буддийскими категориями и обладает традиционным монашеским аналитическим аппаратом. При этом, столкнувшись с потоком новой, не укладывающийся в привычную картину мира информацией, он не отмахивается от нее как от бессмыслицы, а исследует, анализирует и активно использует ее в своих научных работах. Он не обходит интересом никакие, даже самые неожиданные для него источники: опубликованный в ургинской газете французский роман, хотанское пророчество, глобус, немецкие карты и многое другое [King 2019, p. 24]. Не принимая все это полностью на веру, он с научной дотошностью и интересом исследует эту информацию. Он переводит на тибетский работу Густава Рамстедта об общности происхождения монголов и тюрок; местами посмеиваясь над современной ему европейской наукой³, он все

² Один из примеров, который описывает М. Кинг: бурятский ученый и интеллектуал Ц. Жамцарано просит Заву Дамдина о помощи в своем проекте по смешению монашеского и светского обучения – он собирается добавить в монашеские колледжи преподавание европейских наук, смешать учеников-монахов с мирянами. Все это приводит Заву Дамдина в замешательство и вызывает резкую критику [King 2019, pp. 181–186].

³ Ср. отрывок из письма Завы Дамдина к Агвану Доржиеву: «Современные европейцы / Те, что вечно были рождены в местах, лишенных дхармы, / Кажутся либо верующими, либо глупыми. / Они странно читают священные тексты и их комментарии» [King 2019 p. 189]. Также отрывок из «Золотой книги»: «В наши дни варвары-небуддисты описывают типологию насекомых и то, сколько рыб водится в четырех видах океана нашего мира и тому подобное. Они пишут о таких бессмысленных и ошибочных вопросах и самонадеянно заявляют, что они пишут [настоящий] комментарий [śāstra – т. е. производят полезное знание]. Поэтому во всем, что бы [ученые-небуддисты] ни говорили, мы должны искать, сможет ли это стать причиной просветления или же нет. Для меня не имеет значения, знают ли они счет насекомым» [King 2019, p. 190].

же использует все доступные ему элементы европейского знания в своих исторических работах и активно использует их как доказательства в своих рассуждениях.

В своих текстах он продолжает дискуссии с людьми, обмен знаниями с которыми оказался возможен благодаря наступлению новых времен – с бежавшим в Ургу от британского вторжения Далай-ламой, встречи с которым он потом вспоминает с большой ностальгией, с русскими литературоведами, бурятскими интеллектуалами, революционерами и многими другими. В числе прочих он общается с востоковедом М.И. Тубянским⁴, близким учеником М.М. Бахтина. Теоретические работы последнего, особенно концепты «пустого» и «реального» времени, М. Кинг, между прочим, активно применяет для анализа хронотопов в работах Завы Дамдина (смешивая и связывая тем самым объект своего изучения со своими исследовательскими подходами не только на концептуальном, но и на персональном уровнях). Время и пространство вообще оказываются значимыми категориями для анализа происходящих социальных изменений, а создание буддийской историографии М. Кинг рассматривает, вслед за М. де Серто (на теории которого он основывает значительную часть своего исследования), как социальную практику и как «событие» создания прошлого.

Зава Дамдин умирает в 1937 г. – по счастливому стечению обстоятельств – собственной смертью под присмотром брата и младшей сестры. Он был похоронен возле своего монастыря в Гоби. Вскоре после его смерти монахи того монастыря (их число точно не известно, М. Кинг пишет, что, согласно устным свидетельствам, их было более 700), вместе с тысячами других, были отправлены в тюрьмы или расстреляны, монастырь был полностью уничтожен.

Но это еще не конец истории.

Сама советская власть, еще одна «незыблемая» империя, не просуществовала и века. И шестьдесят лет спустя на том же месте снова стоит монастырь, и глава его, Зава Дамдин ринпоче, переводит работы своего прошлого перерождения и по-своему трудится для нового этапа распространения дхармы в Монголии.

Герою рецензируемой книги довелось родиться во времена, когда главными и чуть ли не единственными фабриками по производству знания были монастыри. Постепенно это менялось, изменения не могли не затронуть и Заву Дамдина. Он становится одним из основателей Института рукописей и манускриптов, на базе которого в дальнейшем будет создана Монгольская академия наук [King 2019, p. 71]. Адаптируясь к новым условиям, монах,

⁴ Тувасик, как его называли монголы [King 2019, p. 87].

однако, не меняет ни своих убеждений, ни базовых установок. Удивительным образом ни в советское время, ни после демократической революции исторические работы Завы Дамдина не были преданы ostracismu. Многие из сформулированного им тогда, к добру или к худу, остаются актуальными и по сей день.

Приведу один пример. В периодизации истории, созданной Завой Дамдином в его «Золотой книге», выделяется три волны распространения буддизма в Монголии, первая из которых восходит ко временам хунну, вторая к периоду Монгольской империи, а третья – к XVI в. Во время моей полевой работы в Улан-Баторе⁵ большинство монахов, с которыми мне довелось пообщаться, сообщали, что, несмотря на недостаток доказательств того, что хунну были буддистами и говорили на языке, относящимся к монгольской языковой семье, они считают такую периодизацию верной. Более того, К. Коллмар-Пауленц замечает: «10-й Конгресс Международной ассоциации монголоведения (IAMS) в 2011 г. был посвящен 2220-летию юбилею монгольской государственности. Это не оставляет никаких сомнений, чью сторону в академических спорах о происхождении монголов занимает правительство. В данном нарративе различаются 3 волны распространения буддизма в Монголии [...] [эта периодизация] уже вошла в монголистические исследования, где, как ни странно, она редко оспаривается» [Kollmar-Paulenz 2020, p. 494].

Так и другие идеи Завы Дамдина, местами основанные на наборе не вполне доказанных фактов или ошибочных интерпретаций, переживают советское время и остаются частью общей исторической памяти, частью прошлого, сконструированного им вместе с другими такими же монахами-энциклопедистами, интеллектуалами, а потом – точно так же – и советскими историками, академиками и деятелями компартии.

М. Кинг не ставил своей целью исследование судьбы работ Завы Дамдина в современной Монголии, и в книге этому, к сожалению, уделяется не так много внимания. Однако это также важная и интересная тема: хотя Зава Дамдин, как утверждает автор, не мыслил в терминах нации и идентичности, его идеи хорошо ложатся на современный монгольский национализм и продолжают существовать в рамках националистического дискурса. Например, Дамдин приходит к заключению, что буддизм появился в Монголии раньше, чем в Китае и Тибете. Из этого сегодня в рамках

⁵ Полевые работы проводились летом 2018 и 2019 гг. в Улан-Баторе и в монастырях Амарбаясгалант и Дэлгэрийн чойр в рамках проекта по написанию кандидатской диссертации «Религия, политика и национальная идентичность: Дордже Шугден в современной Монголии».

националистического дискурса делается вывод, что буддизм в Монголии и сейчас не должен находиться в зависимом положении от тибетцев и от Далай-ламы. Он считает, что кочевники, жившие ранее на территории Монголии, также были монголами. Из этого делается вывод (какая недавно получившая полную независимость страна не мечтает об этом?), что монгольская государственность намного древнее многих других. Он, как замечает М. Кинг, находит важных фигур с якобы «монгольскими именами» и «монгольскими костями» (“Mongol bones”) в свите тантрического учителя Падмасамбхавы и короля Тисонг Децэна, сыгравших важную роль в распространении буддизма в Тибете. Сегодня это оказывается аргументом в пользу того, что монголы не просто получили буддизм от тибетцев, но и сами сыграли важную роль в его распространении там⁶. Это легитимирует буддизм в роли национальной монгольской религии и служит контраргументом тому, что это привнесенная из Тибета, чужеродная религия.

Зава Дамдин удревяет историю и создает непрерывную связь между «монголами», жившими в далеком прошлом, и современными ему людьми. Также он расширяет и географию обитания монгольских народов далеко за пределы современного монгольского мира. Все это может быть использовано и используется для создания монгольской национальной идеи и построения великого национального прошлого. А некоторые его оговорки, вроде того что Монголия «образовалась на территории Китая», сегодня легко остаются без внимания.

Прошлым летом мне довелось побывать в восстановленном монастыре Завы Дамдина и пообщаться с его нынешним перерождением. Монастырь располагается в отдаленном Гобийском аймаке, перед входом в главное здание посетителей встречает огромная статуя «отца монгольской революции» Д. Сухэ-Батора, стоявшая до этого на главной площади Улан-Батора (в 2011 г. статую заменили на более качественную копию). Как и его предшественник, новое перерождение Завы Дамдина владеет несколькими языками и неординарно подходит к развитию буддизма в Монголии. Как и его прошлое перерождение, он почитает защитное божество Дордже Шугдена (что, однако, в отличие от времен прошлого Завы Дамдина, сегодня вызывает некоторые противоречия). Вопросы монгольской истории – прошлого монгольского народа и начала монгольской религии – важны для нынешнего перерождения не меньше, чем для прошлого. Летом он организует в монастыре

⁶ Монголы действительно сыграли важную роль в формировании тибетских буддийских институций, ср., например, историю происхождения института далай-лам.

летние школы для городской молодежи. Автор рецензируемой книги в другой своей статье пишет, что для участников этих школ «изучать буддизм означает изучать их историю, этничность и по-настоящему “монгольскую” социальную и культурную системы. Согласно этой программе, быть монголами автоматически значит для них быть буддистами». Эта школа «включала этих молодых людей в нарратив о вневременной, буддийской и “исторической” монгольской идентичности» [King 2012, pp. 23–24].

Когда Зава Дамдин писал о современном ему мире, он ни разу не упомянул ни слов «социализм» или «коммунизм», ни даже существовавшее с 1911 по 1921 г. независимое монгольское государство во главе с Богдо Ханом. Несмотря на свою неординарность, он был рожден человеком Цинской империи и им и остался. Однако получилось так, что он создал работы, ставшие теперь важной частью проекта по созданию национальной монгольской истории, а его продолжатели занимаются теперь конструированием монгольской национальной идентичности, базирующейся на верности монгольским традициям и буддизму, независимому от внешних (в первую очередь тибетских) культурных влияний.

Популярные сегодня работы на тему современного состояния буддизма в Монголии (особенно в его связи с проектом построения монгольской идентичности) были бы неполными без опоры на исследование, раскрывающее истоки создания национальной монгольской истории. М. Кинг уделяет внимание таким вопросам, которые многие исследователи, концентрирующиеся на возрождении буддизма и национального самосознания в современной Монголии, к сожалению, оставляют без внимания.

В целом проблема связи буддизма с формированием молодых независимых государств в Центральной и Юго-Восточной Азии, участие этой религии в процессе формирования идентичностей и национальных идей широко обсуждается в современной антропологии. Рецензируемая книга проливает свет на истоки такого современного существования буддизма, а ответы на поставленные вопросы способны помочь исследователям далеко не только монгольского буддизма.

Существуют обширные работы на тему того, как исследования истории и культуры на западе стали механизмом создания властного дискурса, инструментом политической борьбы. Исследование того, как таким же инструментом становится местная монгольская историография, вносит много нового в понимание не только монгольского общества того времени, но и современной Монголии, а также других стран, где буддизм играет сегодня центральную роль в процессе формирования нации.

Литература

- Certeau 1982 – *Certeau M. de. La fable mystique: XVIe – VIIe siècle. Vol. 1. Bibliothèque des Histoires. Paris: Gallimard, 1982. 414 p.*
- King 2012 – *King M.W. Finding the Buddha Hidden Below the Sand. Youth, identity and narrative in the revival of Mongolian Buddhism // Change in democratic Mongolia. Social relations, health, mobile pastoralism, and mining / Ed. by J. Dierkes. Leiden; Boston: Brill, 2012. P. 17–29.*
- King 2014 – *King M.W. Writing true places in the twilight of Empire and the dawn of revolution. The Buddhist historiography of the Mongol Zawa Damdin Luwsandamdin (1867–1937). Ph.D. Thesis. Department for the Study of Religion University of Toronto, 2014. 358 p.*
- King 2019 – *King M.W. Ocean of milk, ocean of blood. A Mongolian Monk in the ruins of the Qing Empire. New York: Columbia University Press, 2019. 304 p.*
- Kollmar-Paulenz 2020 – *Kollmar-Paulenz K. Negotiating the Buddhist Future. Rdo rje shugs ldan in Mongolia // On a Day of a Month of the Fire Bird Year. Festschrift for Peter Schwieger on the occasion of his 65th birthday / Ed. by J. Bischoff, P. Maurer, C. Ramble. Lumbini: LIRI, 2020. P. 481–502.*

References

- Certeau, M. de (1982), *La fable mystique: XVIe – XVIIe siècle. Vol. 1. Bibliothèque des histoires*, Gallimard, Paris, France.
- King, M.W. (2012), “Finding the Buddha Hidden Below the Sand. Youth, identity and narrative in the revival of Mongolian Buddhism”, in Dierkes, J. (ed.), *Change in democratic Mongolia. Social relations, health, mobile pastoralism, and mining*, Brill, Leiden, Boston, pp. 17–29.
- King, M.W. (2014), *Writing true places in the twilight of Empire and the dawn of revolution. The Buddhist Historiography of the Mongol Zawa Damdin Luwsandamdin (1867–1937)*, Ph.D. Thesis, Department for the Study of Religion University of Toronto, Toronto, Canada.
- King, M.W. (2019), *Ocean of milk, ocean of blood. A Mongolian Monk in the ruins of the Qing Empire*, Columbia University Press, New York, NY.
- Kollmar-Paulenz, K. (2020), “Negotiating the Buddhist Future. Rdo rje shugs ldan in Mongolia”, in Bischoff, J., Maurer, P. and Ramble, Ch. (eds.), *On a day of a month of the Fire Bird Year. Festschrift for Peter Schwieger on the occasion of his 65th birthday*, LIRI, Lumbini, Nepal, pp. 481–502.

Информация об авторе

Юлия В. Ляхова, Бернский университет, Берн, Швейцария; 3012, Швейцария, Берн, Хохшультштрассе, д. 6; *liakhova@gmail.com*

Information about the author

Yuliya V. Liakhova, University of Bern, Bern, Switzerland; bld. 6, Hochschulstrasse, Bern, Switzerland, 3012; *liakhova@gmail.com*